

А. КОРОТКОВ
РАССКАЗЫ

2017

Александр Коротков

Рассказы : сборник состоит из трёх рассказов: «Гуси-лебеди»,
«Бурундук», «Яблоки на снегу».

2018. - 20 с.

Дизайн, компьютерная верстка А.К. Грабор

Использованы фотографии и рисунки: интернет.

Александр Коротков

РАССКАЗЫ

РАССКАЗЫ

Сборник рассказов

г. Зея, 2018

От составителя

Жизненная стезя Александра Ивановича Короткова интересна и поучительна уже тем, что вобрала в себя всё то, через что прошло большинство людей его поколения: трудное послевоенное детство, учёба в школе и вузе, комсомол, спорт, армия, настоящая мужская дружба, любовь, семья, дети, а позже и внуки, обретения и утраты, духовные и творческие искания, вера в светлые идеалы и такое же будущее... Но, может быть, в ещё большей степени биография Короткова примечательна тем, что пришлось на эпоху грандиозных социально-политических разломов рубежа XX–XXI столетий, на пору глобальных деформаций идеологических и духовно-нравственных основ, всего уклада жизни. Он не отрекался от того подлинно ценного, что вместила в себя советская эпоха, но и не цеплялся за отжившую идеологическую догматику, не пытался найти оправдание преступным деяниям власти против народа. И при этом не спешил вливаться в хор задним умом прозревших «разоблачителей», не облачался в тогу беспристрастного судии века, с которым была неразрывно связана большая часть его жизни.

В период, когда размывался ценностный фундамент общества, А.Коротков сумел сохранить устойчивую систему духовно-нравственных и социально-исторических координат, о чём и свидетельствует его творчество. Его поэзия и проза – это органичный сплав, если так можно выразиться, русскости и советскости, синтез наиболее близких национальному духу ценностей, в числе которых потребность в высоких идеалах, социальная справедливость, совесть, милосердие, коллективизм, любовь к родине, мир, труд, семья.

Это в полной мере отражается в его детских рассказах-былях, которые мы и предлагаем вашему вниманию.

А Коротков

ГҮСИ-АББЭДИ

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Деревня, в которой прошло моё дошкольное детство, тянулась вдоль хрустально чистой и звонкой речки Славки. Домик наш стоял на краю улицы, дальше раскинулось обширное поле, за которым чернел ельник. Посередине поля возвышался небольшой холм, заметный из деревни. Все дома стояли по одну сторону дороги, а по другую был берег с тропками, по которым зимой и летом жители ходили на речку за водой. Почти все держали кур, уток и гусей, которые паслись на зеленях у берега, а утки и гуси добрую половину дня не выходили из воды. По вечерам вся эта живность степенно расходилась по дворам и село затихало до утренних петухов.

Гуси и петухи в нашей деревне были диковатыми, и мне частенько доставалось от них тогда, когда я бегал в магазинчик за хлебом. Петухи с лёта били меня в зад и оставляли кровавые болячки, а гусаки злобно шипели и больно щипали ноги. Эти твари были самым ярким проклятьем моего детства...

Поздней осенью над нашими местами летели огромные косяки гусей, лебедей, уток. Их крики будоражили дворовую живность, и по всей деревне слышались крикание и гогот, как будто водоплавающие вспоминали какую-то свою ветхозаветную старину и напоминали молодняку о былой свободе да хвастались своими удалыми перелётами. И вот наступал день, когда почти все гуси с нашей окраины села начинали большой ход мимо нашего домика к холму в поле. Я садился на завалинку и наблюдал, как ожиревшие гусаки и гусыни, волоча в

пылюге свои гузки, медленно топали мимо меня прямо к холму, а там поднимались на него и сбивались в большую стаю штук в сто перевозбуждённых гусей. На меня они не обращали никакого внимания, не шипели, не щипали, а гордо переваливаясь с боку на бок, всем своим видом говорили: «На святое дело идём, не до тебя, мелюзга!»

На холме они расправляли крылья и так орали, что их было слышно в самом поднебесье. И если в это время там пролетал клин, то он как на стенку натыкался, ломался и перелёты истерично звали своих собратьев лететь с ними. Этот ор на холме продолжался час-другой и, наконец-то, обо всём договорившись, вся эта деревенская рать начинала свой улёт. Происходило это так. Главарь стаи, громко гогоча, разгонялся с вершины холма вниз и, отчаянно молотя крыльями, отрывался от земли и летел в деревню! Не в сторону полей, а к родной кормушке! Э-хе-хе, вольнолюбцы безмозглые! Пролетал он метров сто-сто пятьдесят и, потеряв все силы, безобразно шлёпался в дорожную пыль и только-только не разбивался насмерть. Поднявшись, он долго приходил в себя после контузии, отряхивался, размахивал крыльями и призывно гоготал. Вот тут-то и начинался великий перелёт! Гуси, круша друг друга, срывались с холма и все летели мимо меня, рассекая со свистом воздух, тряся своими гузками и подбадривая себя и своих товарищей сумасшедшим гоготанием. Метрах в тридцати-сорока от меня они бабахались на землю, вздымая клубы пыли, бились о береговые камни, плюхались в речку. Придя в себя, птицы приводили свои перья в порядок, чистились, отряхивались и сбивались в свои гусиные семьи.

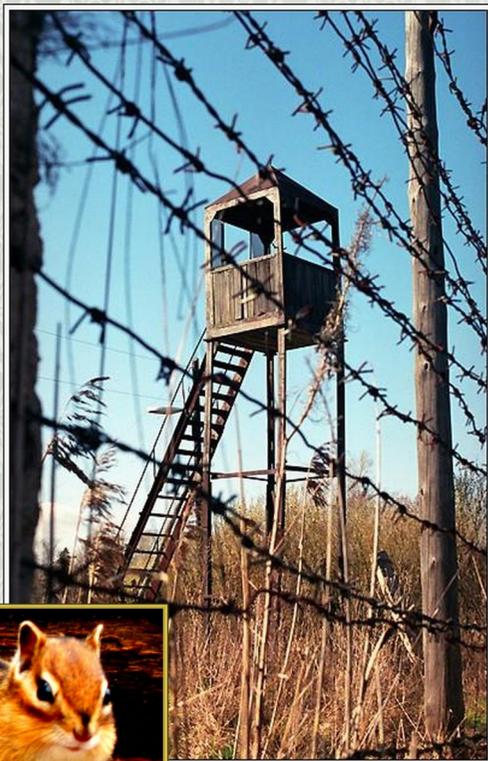
Заканчивался Великий Перелёт тем, что весь деревенский гусятник тихо-мирно разбрехался по дворам.

В зиму селяне оставляли семейку гусей на развод, но таких было мало. Однако и этого хватало, чтобы передавалась по-наследству тяга к небу, страсть к полёту, память о том, что гусь свинье и взаправду не товарищ! Ибо рождённый для полёта не летать не может! Даже если он и гусь лапчатый...

Много лет прошло с тех пор, а мне порой явно слышится свист рассекаемого крылом воздуха и отчаянный крик вожака, зовущего в полёт свою стаю. И они летели за ним все до одного, не думая о том, что этот единственный полёт в их жизни был почти самоубийством. Главное – встать на крыло! А там – будь что будет! Согласитесь: как это всё по-русски! Вот такие мы гуси-лебеди!

А. Коротков

Бүрүндүк

БУРУНДУК

Давным-давно, ещё в сталинские времена, когда мне было лет пять, в лето – скорей всего – 1952 года, жил я у бабушки в глухом селе на Сахалине. В то время на острове было много лагерей для заключённых, которые назывались зонами, и содержались в них десятки тысяч человек, которые строили железную дорогу к местечку Погиби, где рыли тоннель под Татарским проливом. Стройка осталась незавершённой. Страшные истории, легенды и мифы породило это строительство, закончившееся, видимо, крупной катастрофой. Что там произошло – одному богу известно ... Мой рассказ лишь об одном эпизоде этой стройки, свидетелем которого я был сам.

Железная дорога должна была пройти мимо нашей деревеньки. И стройка шумела совсем рядом, за дорогой, которая обходила село. Там зеки валили лес и расчищали просеку под насыпь. И вот однажды днём я пошёл погулять по тропке, которая вела к дороге, а потом и дальше на шум в лесу, и вышел к месту, где работали заключённые. И вот что я увидел. На небольшой площадке вкалывали зеки, было их десятка три-четыре. Они вручную пилили и валили березняк и оттаскивали деревья в стороны от просеки. Была весна, снег уже сошёл, и на деревьях были заметны листочки, а пни сочились соком. Правее того места, где я вышел на просеку, на поваленной берёзине сидел солдатик с автоматом и скучающе поглядывал на зеков. Меня он заметил сразу. «Пацан, иди ко мне», - позвал он меня, и я послушно присел рядом с охранником. На уже вырубленном месте зеки разложили

костёр, а над ним приспособили большой артельский котёл, в котором кипела вода, там её было ведра три-четыре. Боюсь соврать, но было в котле что-то вроде крупы, которая всплывала и снова тонула, но крупы той было в котле горсть-две и никак не больше.

Люди, работавшие на поляне, были страшными, худыми, оборванными, заросшими щетиной, непонятно во что обутыми. Они вызывали жалость даже во мне, одетому едва ли лучше. Я хорошо запомнил одного из этих несчастных строителей. Он был среднего роста, бледен, истощён, с большой копной чёрных густых волос, черной же бородой и горящими чёрными глазами. Фуфайку он скинул и работал в рубахе, которую надо было бы давно пустить на тряпье. Раза два он улыбнулся мне и даже подмигнул. Вот так я просидел рядом с охранником полчаса или чуть более того. Пора было и домой топать, но тут вдруг всё резко преобразилось! На просеке стояла одна большая берёзина, которую зеки пожалели и оставили под сруб на конец своего рабочего дня. Вот на эту берёзу и залетел с заполошным верещанием бурундук, которого вспугнули в кустарнике работяги. На площадке всё мгновенно изменилось! Мужики побросали топоры и пилы, поснимали куртки и рубахи и плотным кольцом окружили дерево. Нельзя было не заметить буйной радости на их лицах! Кто-то стучал по стволу, кто-то шуровал палкой в ветвях, где метался обезумевший зверёк. Его хорошо было видно среди пробуждающейся листвы, скрыться ему было некуда. В конце концов, этот юркий хозяин тайги решился на прыжок и приземлился метрах в трёх-четырёх от ствола, но ещё резвее на месте его падения оказались доходяги со своими тряпками.

Они накрыли бурундука и участь его была решена. Не прошло и минуты, а тушка зверька под рёв толпы уже плавала в кипятке. Зеки смеялись: «Хороший будет навар на обед!» А мне было жаль бедолагу. Метнулся бы он в лес – никто бы его не поймал! Но его угораздило рвануться к берёзе, которая его не спасла... Когда я вернулся домой и рассказал бабушке о том, что видел, она побледнела, заплакала и запричитала, чтобы я больше со двора ни шагу не смел ходить, а то эти дядьки такие, что и своего съедят – не подавятся, а уж от меня и косточек не останется... Позже, уже будучи взрослым, я много раз слышал и читал о том, что сахалинские и сибирские каторжники, подаваясь в бега, подговаривали какого-нибудь бедолагу бежать с ними, а потом убивали его и съедали на долгом пути к воле.

Много лет прошло с тех пор. Позарастали просеки и насыпи, сгнили и затянулись малинником штабеля брёвен по тайге, поумирали от непосильной работы и голодухи сахалинские каторжники. Сгинуло и то государство, в котором зеки считали за счастье навар из бурундука в котле с баландой на сорок человек. А я нет-нет да и вспомню ту тёплую и солнечную весну, первую зелень берёз, отчаяние бурундучка и тревогу в глазах самого дорогого мне человека на всём белом свете, моей незабвенной памяти бабушки Варвары Герасимовны.

Такие вот были времена...

Незабываемые...

А Коротков

**ЯБЛОКИ
НА
СНЕГУ**

ЯБЛОКИ НА СНЕГУ

Много лет я сомневался, стоит ли рассказывать эту историю? Всё ли из того, что пережито, достойно описания и памяти? Не лучше ли, если ЭТО умрёт со мной? В конце концов порешил, что поведать о том, что было, не грешнее того, что было сделано, тем паче, что в содеянном вины моей нет. Вот мой небольшой рассказ о нравах в деревне, где я провёл два года моей дошкольной жизни.

Моего отца, коммуниста и героя войны, партия направила на два года в школу милиции, так как надо было бороться с бандитизмом. Мама трудилась в райцентре, работу терять не хотела и жила на квартире у людей с упрощённым до беспредела бытом. С детским садом дело было неразрешимым, и попал я в деревню к бабушке. Отец учился в краевом центре, а я в глухой деревне с активной бабушкиной помощью быстренько овладел грамотой и в пять лет (это были 1951-52 гг) писал на газетных полях письма своему папке под диктовку бабушки. Жили мы с ней в доме её младшего сына, совхозного ветеринара. Зимой он брал меня с собой в лес за дровами. Выезжали рано, по темноте, и мороз пробирал нас насквозь. На совхозной поляне валили лесины поближе к дороге и пилили их на брёвна. Меня, пятилетку, дядька ставил на пилу, и я – как будто! – помогал ему пилить. Сейчас-то я понимаю, что делал он это только для того, чтобы я не замёрз. Домой ехали не спеша, лошадка тянула возок, а мы, лёжа сверху на дровишках, болтали обо всём на свете. Дома дядька давал мне деньги, бутылку с бумажной пробкой, и я бежал за километр в магазин за водкой.

Продавщица наливала её из крана в бочонке, который лежал на столе рядом с весами. Потом я рысью мчал домой и за ужином дядька давал мне напёрсток водочки, после чего я спал, как убитый.

По выходным дням дядька брал меня в баню. Баня была общая, мылись мужики и бабы с детьми все вместе всем селом. Там было очень весело! Мужики скалились и по-доброму шутовали над молодухами, женщины незлобно корили их, всё это с вениками, паром, горстями холодной водицы. В середине 50-х борьба за нравственную чистоту строителей коммунизма привела к тому, что мужскую помывку определили на субботу, а женскую на воскресенье с детьми своего пола. В первую же субботу пришла какая-то бабка и помылась с мужиками, ещё и выступала, что ей невтерпёж сутки ждать баню, а завтра она ещё разок искупается. После чего ещё года два-три мылись совместно, и только к концу 50-х этот обычай канул в Лету...

А пили в деревне по-всякому поводу и без повода, зачастую с драками. Мой дядька в драках был страшен. Он отличался природным здоровьем и весь был сухим и как из верёвок свитым. На какой-то деревенской гулянке принялся он крушить мужиков, а одна из жён, будучи в положении, кинулась выручать мужа. Что уж там произошло, не мне судить, но женщина эта до срока скинула. И мужики решили убить дядьку. Подкараулили они его ночью и отогрели оглоблями, да не на того напали! Когда он, окровавленный, вошёл в дом, то успокоил бабушку примерно так: «Не волнуйтесь, мама, я им все оглобли на них же и переломал!» И тогда взрослые втянули в разборки детей, чтобы жестоко отмстить нашему несокрушимому роду...

Однажды зимой гулял я рядом с домом. Пальтишко, шапка, валенки, всё по росту, ем снежок чистенький с забора. Мимо двора шли трое ребят, лет 10-12-ти, гораздо старше и здоровее меня. Подошли ко мне: «Яблок красных хочешь?». «Хочу!». «Ну тогда айда с нами, тут они недалеко растут, нарвём и вернёмся, бабушку угостишь!» Вот и обманули малолеточку! Далеко мы ушли, через поле, потом за дорогу, уже и кладбище позади, а яблок нету! Остановились на поляне, снегу по брюхо, уставшие, употевшие, и день к вечеру уже клонится. Тут-то старший и врзал мне изо всей силы кулаком по голове. И стали они меня бить руками и ногами, а старший (морду его век не забуду, из вербованных он был, с Поволжья) старательно пихал мне в рот снег, я уже и дышать перестал. А потом они меня втоптали в снег, прыгали на мне, помню боль от валенок на лице. Дальше я, наверное, потерял сознание...

Сколько я пролежал в снежной могиле – не знаю, да, видно, слёзы мои от обиды и несправедливости были столь горячи и горьки, что глазыньки мои не замёрзли и очнулся я от боли солёной. Выкарабкался я из снежного плена, плач душит меня, но, видимо, мужичок я был крепенький, и темноты не испугался, а по тропе своей смертной стал из леса выбираться...

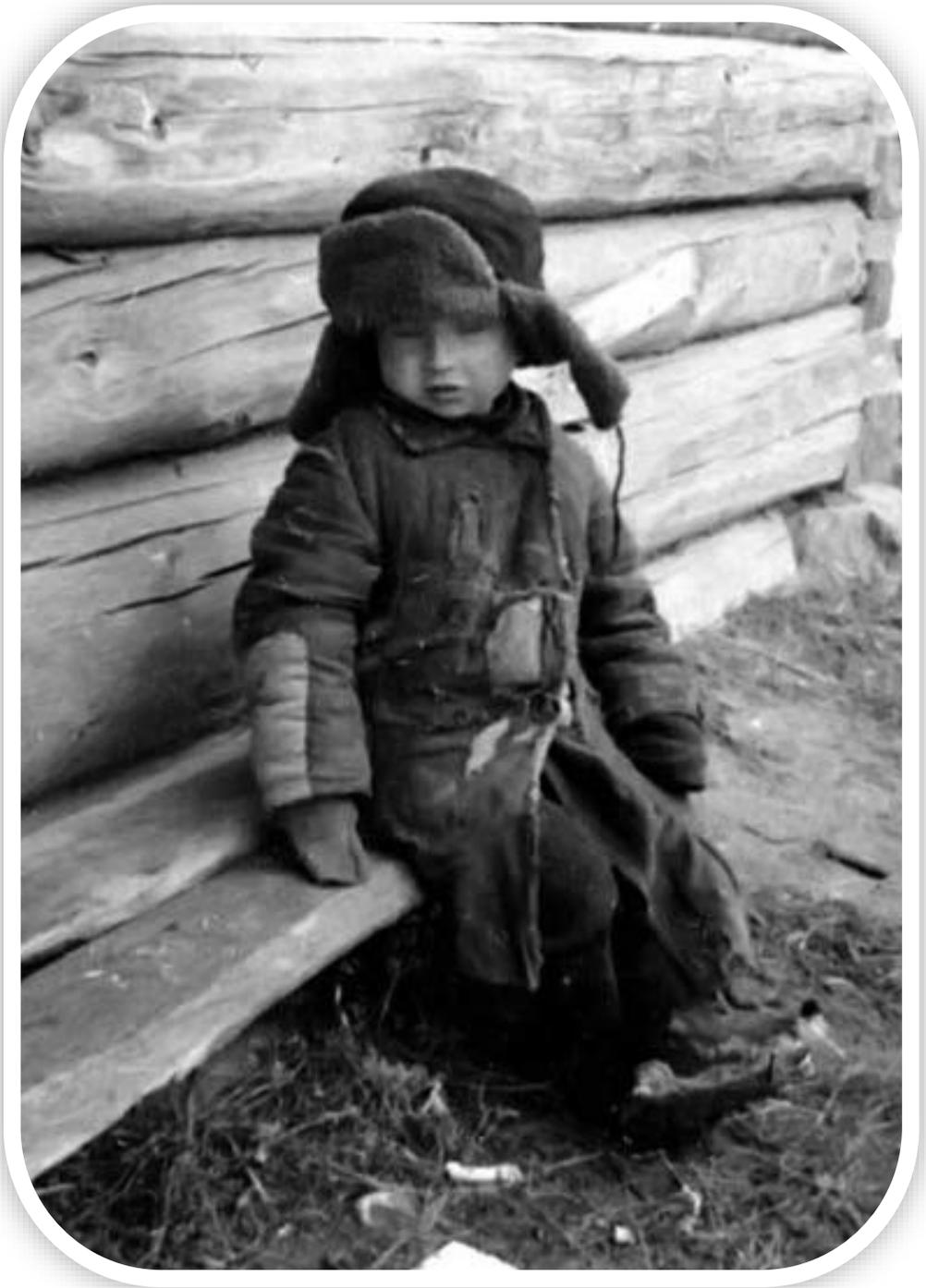
Домой я пришёл поздно и в хату едва дверь открыл, а тут на меня накинулись бабушка с дядей, где я, мол, был, они уже всю деревню обыскали. Я же, весь снегом облепленный, сквозь слёзоньки свои горючие, захлёбываясь от обиды неопикуемой, рассказал им о своей беде. Ахнула бабушка: «Да они же убить тебя хотели!» А дядька, налившись лютой злобой, накинул полушубок, зыркнул карими своими глазырями, и пробурчав:

«Ща я их всех, мамо, яблоками угощу», - выскочил на улицу. Бабушка закричала вслед: «Ванечка, родненький, не губил бы ты нас!», но было уже поздно. Вернулся дядька разгорячённый, громко объявил, что теперь койкого с Поволжья от одного вида яблок тошнить будет до рвоты, снял меня с печки и всего обтёр спиртом из трёхлитровой банки - он его берёт для работы, - как и банку марганцовки. Потом укутал меня во всё, что было возможным, уложил в кровать и накрыл своим полушубком. И провалился я в обморок, краешком сознания храня мысль о том, что вот вырасту и тоже буду оглоблей охаживать всех, кто меня или бабушку обидит...

Случилось - по сути! – покушение на убийство, неоказание помощи пострадавшему, оставление в беспомощном состоянии и тд. Ни милиции, ни суда, ни прокуратуры, всё рассеялось в водочных парах... Но меня МОИ яблоки спасли, наверное потому, что я ВЕРИЛ.

А вот вам, моим похоронщикам, не портило аппетит, когда вы брали в руки яблоко? Не снился ли вам брошенный в зимнем лесу мальчишечка, закопанный в снегу? Не снился... Значит, мало вас мой дядька учил...

С о д е р ж а н и е:

От составителя	4
Гуси-лебеди	6
Бурундук	10
Яблоки на снегу	14

676244 Амурская область,
Зейский район
г. Зея, посёлок Светлый д.77, кв.13
Сайт: <https://ok.ru/aleksandr.korotkov.7713676244>
E-mail: galkon@yandex.ru

LYRICA

Korotkov & Grabor

